

История

Михаил Быков

ГЕНЕРАЛ НЕВЕРОВСКИЙ. ПОМНИМ!

Этого героя подзабыли. Мы в долгу перед ним. В дни между юбилеями битвы под Дрезденом и Битвы народов, через двести лет после гибели генерала, самое время отдать ему должное.

Рулетка войны выбросила Дмитрию Неверовскому число «27». Этот номер получила сформированная им пехотная дивизия. С ней генерал прошёл дорогами славы — с августа 1812-го по осень 1813-го. От сражения у села Красное, что в полусотне вёрст от Смоленска, до Битвы народов под Лейпцигом, где получил смертельную рану.

В конце 30-х годов XIX века император Николай I поручил министру финансов графу Канкрину выбрать места для установки памятников героям Отечественной войны 1812 года. Решили так: на Бородинском поле, в Смоленске, Ковно (Каунасе), Полоцке, Малоярославце, Красном. Единый проект разработал архитектор Антонио Адамини. Все шесть монументов

отлили в Петербурге на Александровском литейном заводе. Памятник в селе Красном воздвигли в 1847 году. На постаменте выбили надпись: «Битва при Красном. 3, 4, 5 и 6 ноября 1812 года. Поражение Нея». И ещё одну: «Взято в плен неприятеля 26 000 человек, отбито 116 орудий». Напротив построили дом для смотрителей из отставных солдат — участников Отечественной войны.

В 1931 году памятник у Красного взорвали. Причина? Конечно, мешали жить новой власти царские орлы, но и без прагматических соображений не обошлось. Тогдашний директор Смоленского краеведческого музея Палашенков позже вспоминал: «Я стоял в кабинете зампредоблисполкома тов. Клявс-Клявина. Решительным тоном Клявс-Клявин заявил, что стране нужен чугуны. В городе торчит никому не нужный с крестом и царским гербом памятник 1812 года, в соборе застлан чугунами плита-

ми пол... Составьте акт на разборку памятника и снятие плит».

Спорить было бесполезно. Приходилось только выбирать: либо уничтожить памятник в Смоленске, либо в Красном. Смоленский удалось сохранить. А красненский даже не стали разбирать. Просто взорвали. Видимо, нужда в чугуне уже отпала. Хотя местная легенда гласит: после взрыва остатки монумента добросовестно собрали и погрузили на баржу. Правда, поживиться чугуном всё равно не удалось. Перегруженная плоскодонка перевернулась, и всё добро затонуло. Все 400 тонн... Что это — знак истории, напоминание?

Какое отношение всё это имеет к генералу Неверовскому и его 27-й пехотной дивизии? Самое прямое. Смертный бой с войсками Наполеона под Красным в 1812 году приняли именно полки Дмитрия Петровича Неверовского. И случилось сие 14 августа по новому стилю, 201 год назад.

От солдата до генерала

К началу августа 1812 года стало совершенно ясно: основные силы армии «двунадесяти языков» стремятся к Москве. По прямой. А прямая эта пролегла от Витебска, где сконцентрировались французы, к Смоленску. Как получил он когда-то прозвище «Ключ-город», так и оставался таковым. Здесь же, под

Смоленском, планировали объединиться и две русские армии — Барклая и Багратиона.

Ещё в конце 1811 года генерал-майор Неверовский получил новое назначение. Ему предстояло проститься с Павловским гренадерским полком, коим он командовал, и переехать в Москву. Там и сформировать новую пехотную дивизию из только что набранных рекрут. Император Александр I лично благословил генерала на этот труд, добавив: «Совершенно уверен, что ты оправдаешь моё ожидание». И к тому были веские основания.

Дмитрий Неверовский родился в 1771 году в Полтавской губернии в семье дворян среднего достатка. Поначалу получал домашнее воспитание, знал языки, точные науки, проявлял склонность к военному делу. Благо рос не только в уме, но и в плечах, опережая сверстников по части физической силы. В 14 лет, благодаря протекции друга семьи, графа Завадовского (не только первого русского министра просвещения, но и участника Кагульского сражения!), Дмитрия определили на службу в лейб-гвардии Семёновский полк рядовым. Спустя два года Неверовский бежит на войну — русско-турецкую. Ту, которая останется в истории битвами при Фокшанах и Рымнике и штурмом Измаила. Определяется в службу поручиком в Малороссийский гренадерский полк. Участвует в боях.

ИСТОРИЯ

Но замечают его несколько позже, во время Польской кампании 1794–1795 годов. Сам Суворов после тех сражений производит Неверовского вне очереди в чин секунд-майора. Будущему генералу шёл 24 год.

В 1803 году в русской армии возникают так называемые морские полки. Их формируют из матросов гребных батальонов, надобность в которых к тому времени фактически отпала. Полковник Неверовский получает под команду 3-й Ревельский морской полк. И быстро превращает своих морпехов в одну из лучших частей армии. Что и было признано и отмечено государем на смотре в Ревеле (Таллине) в 1806 году.

Во время службы в Ревеле теперь уже генерал-майор Неверовский создаёт семью. Жена — юная графиня Елизавета Мусина-Пушкина, вскоре рождается единственный ребёнок — дочь.

Отменное состояние вверенного Неверовскому полка морской пехоты приводит государя к мысли доверить генералу один из лучших гренадерских полков империи — Павловский, дислоцированный в Петербурге. Что и происходит в 1809 году.

...Формирование 27-й пехотной дивизии из рекрут Московской губернии заняло у Неверовского два месяца. Затем он приступил к обучению полков по уже привычной для него методе. Памятуя о суворов-

ской школе штыкового боя, особенно внимательно относился к тренировке навыков меткой стрельбы. В июне 1812-го, когда дивизия получила приказ выдвинуться в места дислокации 2-й армии Багратиона, в Первопрестольной её называли «Московской гвардией».

Отступление «льва»

Оказавшись в действующей армии, Неверовский получил приказ выдвинуться к селу Красное. Тут, на Старой Смоленской дороге, ждали основные силы Наполеона — войска маршалов Даву, Богарне, Мюрата, Нея. Тут ждали гвардию Бонапарта. Ждать с оружием в руках поручили Неверовскому с 27-й пехотной дивизией и приданными ему несколькими пушками артиллерийской роты, Харьковским драгунским полком и считанными казачьими сотнями. 8 тысяч против десятков тысяч... Не густо!

Сейчас чего только не вычитаешь на форумах любителей военной истории! Сидят люди в Интернете и рассуждают: то ли Мюрат — придурок, то ли Неверовский — примитивный служака... Мол, спокойно мог уйти от боестолкновения с кавалерийскими корпусами неаполитанского короля. Людей бы не потерял, пушки сохранил. Уж я бы на его месте... Уж мы бы там...

Приказ у командира 27-й дивизии был ясный: наблюдать за Ор-

шанской и Мстиславской дорогами и стоять у Красного как можно дольше. 14 августа в 9 утра стало ясно, что просто наблюдать не получится. Казачьи разъезды уже несколько раз приносили вести: по дороге от деревни Ляды двигается огромная масса войск. И вот в 10 утра эта масса появилась перед глазами. Более 15 тысяч кавалеристов из корпусов Нансути, Груши и Монбрена. А кроме того — свыше 8 тысяч пехоты и 60 орудий.

Конные колонны французов растеклись по полю перед селом и, едва успев перестроиться в боевой порядок, с ходу ринулись в атаку. Смяли эскадроны харьковских драгун, ворвались в Красное. Русский генерал понял, что село не удержать. И что самое важное впереди — удерживать дорогу на Смоленск.

Ещё перед боем он обратился к своим необстрелянным полкам: «Ребята, помните, чему вас учили... Никакая кавалерия не победит вас. Не торопитесь в пальбе, стреляйте метко...» Пришёл час, когда слова дивизионного пришлось превращать в дела.

Полки построились в каре и начали отход по Старой Смоленской дороге. Шли среди берез, высаженных когда-то по приказу императрицы Екатерины Великой. Шли, отражая одну атаку за другой.

Потерявший самообладание от неудач великий маршал Франции Иоахим Мюрат раз за разом посы-

лал кавалерийские строи на русские каре. И раз за разом элитные полки французской конницы откатывались в стороны. Пехота Неверовского в течение пяти часов — с двух до семи пополудни — выдержала более 40 атак!

И что бы ни писали сегодня интернет-стратеги об отходе 27-й дивизии к Смоленску, лучше довериться мнению тех, кто сражался тогда под Красным. Тот же Мюрат вспоминал: «Никогда не видел большего мужества со стороны неприятеля». «Это было отступлением льва», — вторили маршалу наполеоновские офицеры.

В русском лагере тоже не скупилась на похвалы. Много повидавший Багратион писал в донесении: «Дивизия новая Неверовского так храбро дралась, что и неслыханно. Можно даже сказать, что и примера такой храбрости ни в какой армии показать нельзя».

В штаб-квартире Наполеона царил недоумение. Бригадный генерал из свиты императора Филипп-Поль де Сегюр отмечал в мемуарах, что его государь никак не мог поверить в то, что блестящим корпусам Мюрата противостояла одна-единственная дивизия русских, состоявшая из вчерашних новобранцев. Никто ранее не видел императора Франции таким потерянным.

Французы прекратили наступать, когда уже стало темнеть. До Смоленска оставалось 25 вёрст.

А в самом Ключ-городе готовились к бою. Генерал Раевский располагал от силы 15 тысячами солдат. На него двигалась армада, превосходящая более чем в 10 раз. И быстрой помощи ждать было неоткуда. Всем казалось очевидным, что все 8 тысяч воинов Неверовского легли под Красным.

Пятнадцатого августа в три часа пополудни с запада, у смоленских посадков, появилась пехотная колонна. Вот он, встрепенулись в дозорах, француз! Оказалось, к городу подходят батальоны Неверовского. «Я помню, какими глазами смотрели мы на эту дивизию, подходившую к нам в облаках пыли и дыма, покрытую потом трудов и кровью чести. И каждый штык её горел лучом бессмертия!» — так писал о возвращении 27-й в Смоленск не склонный к лишним сантиментам боевой офицер Денис Давыдов.

Под Красным дивизия потеряла до 1,5 тысячи солдат и 20 офицеров. Но оставшиеся в строю сразу влились в ряды защитников Смоленска. И ещё три дня бились за древний русский город.

От Шевардина до Лейпцига

О Шевардинском сражении, предшествовавшем Бородинскому, упоминают обычно вскользь. Стратегического смысла эта стычка не имела, весь резон — угомонить француза

на пару дней, чтобы успеть выстроить достойные полевые укрепления на месте главной битвы. Так оно и было. Но сие нисколько не умаляет подвигов тех солдат и офицеров, что в течение целого дня сражались с врагом, обороняя Шевардинский редут. Тот самый, который французские офицеры отмечали как важный пункт обороны русских, прикрывавший левый фланг расположения армии Кутузова.

Если под Красным Неверовский увёл большую часть дивизии живыми, то иная судьба была уготована её полкам под Шевардином. Именно 27-я пехотная стояла на редуте насмерть в буквальном смысле слова.

Сам Дмитрий Петрович писал об этом по-военному скупо: «После сдачи Смоленска армии начали ретироваться к Москве. И, не доходя 12 вёрст от Можайска, при селе Бородине взяли позицию. Левый наш фланг был слаб, и потому укрепили его батареей. 24 августа (5 сентября по новому стилю. — *Прим. авт.*) неприятель атаковал... и я был первый послан защищать батарею. Страшный и жестокий был огонь. Несколько раз брали у меня батарею, но я её отбирал обратно. 6 часов продолжалось сие сражение в виду целой армии... В сражении потерял я почти всех своих бригадных шефов, штаб- и обер-офицеров. Накануне сражения дали мне 4000 рекрут для наполнения дивизии; я

Михаил Быков **Генерал Неверовский. Помним!**

имел во фронте 6000, а вышел с тремя. Князь Багратион отдал мне приказом благодарность и сказал: «Я тебя поберегу»...

Берегли 27-ю пехотную в течение полутора суток. 7 сентября грянуло Бородинское сражение. И остатки дивизии Неверовского попали в самое пекло — на Семёновские флеши. Вместе с гренадерами графа Воронцова они держались до последнего. Сам Неверовский в письмах признавался жене, что не раз вместе с полками ходил в штыковую. И вроде не стоило бы этого делать командиру дивизии, но так уж было надо.

От той половины дивизии, что сохранилась после Шевардина, тоже осталась половина. Даже меньше. Солдаты расстреляли все заряды. 1,5 тысячи человек после Бородинского сражения отвели в далёкий тыл на переформирование, а командира, получившего чин генерал-лейтенанта, вместе с графом Воронцовым отправили на простой крестьянской телеге в лазарет. Неверовский получил контузию от ударившего в руку ядра. Его походный сюртук оказался простреленным в трёх местах.

Едва оправившись от контузии, генерал прибыл в дивизию. Русская армия готовилась к наступлению. И 27-я пехотная вновь оказалась в гуще событий. Сражения при Тарутино и Малоярославце чего стоят! Но ведь было дело и под Крас-

ным в ноябре 1812-го, когда били маршала Нея там, где несколькими месяцами ранее обретали первую славу!

Перед Заграничным походом 1813 года государь принял кавалера ордена Святого Георгия генерал-лейтенанта Неверовского в своём штабе в Вильне (нынешний Вильнюс). При большом стечении светского народа сказал: «Дивизия ваша отличилась славою бессмертною, и я никогда вашей славы и дивизии не забуду!» Эти слова точь-в-точь процитировал офицер 27-й дивизии Дараган, служивший под началом Неверовского. И вот что примечательно: царь обыкновенно обращался к подданным на «ты». А тут...

Неверовский успел отличиться и в Заграничном походе 1813 года, в частности в сражении у Кацбаха в Пруссии. К прочим наградам добавил высший прусский военный орден — Красного орла. Известно, что был принят и высоко оценен прусским фельдмаршалом Блюхером. Тем самым, что раньше французского маршала Груши успеет подойти к Ватерлоо в 1815 году.

В Битве народов под Лейпцигом Неверовский должен был в последний раз командовать родной ему 27-й дивизией. Незадолго до этого император поручил ему сформировать 13-й пехотный корпус, сохранив при этом должность командира дивизии. Кто ж знал, что выраже-

ИСТОРИЯ

ние «в последний раз» приобретёт столь трагический смысл?

Во время боя Неверовский получил ранение в ногу. Остался в седле, даже несмотря на требование корпусного командира немедленно отправиться в тыл. Он чувствовал, что воинский долг его ещё не исполнен, не мог покинуть поле боя. Генерала смогли доставить в госпиталь только после того, как он потерял сознание. И то пришлось пойти на хитрость. Командир корпуса барон Сакен вытребовал Неверовского к себе на срочный совет. И лишь в штабе корпуса Дмитрий Петрович позволил снять себя с коня.

Он жил ещё несколько дней. Перенёс без наркоза страшную боль во время операции по извлечению французского железа и собственных раздробленных костей из ноги. С третьей попытки всё лишнее из раны убрали. Но от гангрены спасти уже не смогли. Дмитрий Петрович ушёл из жизни 2 ноября 1813 года в немецком городке Галле. Последними словами генерала, находившегося уже в беспомощности, были: «Вперёд! На штыки!!!» Прошло несколько месяцев. В Галле наладилась вполне мирная жизнь. И вдруг по осени в городок вошли русские

роты. По развевающимся знаменам и барабанному бою знающие сразу могли определить: идёт лейб-гвардии Павловский полк. Тот самый, что назывался Павловским гренадерским, когда им командовал Неверовский. Полк свернул к местному кладбищу, где покоился прах генерала, и после поминальной молитвы прошёл мимо могилы в парадном строю.

Русская армия возвращалась домой. Павловцы шли походным порядком по намеченному в штабах маршруту, но испросили разрешения сделать крюк. Через Галле...

Впрочем, может быть, это были и не павловцы. Пишут, что через Галле прошла вся 27-я пехотная дивизия.

После пышных празднеств, посвящённых 200-летию Бородинского сражения и изгнания французов за пределы Российской империи, не забыть про Дрезден и Лейпциг, про битвы, решившие исход наполеоновских войн, которые продолжались не одно десятилетие. И про русских героев, отдавших жизни на полях Европы, которых символизирует судьба генерала Неверовского.